

Литвинова Рената

“Я всегда вспоминаю Хичкока, который снимал очень смелые и глубокие истории, и однако для него это была игра. Например, когда он читал лекции студентам, то ставил условие, чтобы все окна в аудитории обязательно были занавешены. И он приходил с утра и говорил слушателям: “Добрый вечер!”

История про Хичкока очень характерна для Ренаты. Ей свойственны и эта нарочитость, и некоторая мрачность. Когда смотришь на нее со стороны, кажется, она сама постоянно играет в какую-то придуманную ею игру. И чтобы попасть, заглянуть в нее, нужно принять, хотя бы на время, ее образ мыслей. То же, когда смотришь фильмы, поставленные по ее сценариям. Собственно, кино и предполагает такое соучастие. И в таком случае сама Рената - часть своего кино. Не только сценаристка, но и персонаж, некий феномен - “Объект Рената”.

Во ВГИКе нынешняя модная сценаристка была, как она сама говорит, “не самой показательной студенткой”. И тройки ставили. И каждый раз говорили, что пишет она неправильно. Когда защищала диплом, началось с того, что одна из членов комиссии так и спросила: говорит ли она по-русски?

Оценки ее произведений колебались между “ужасно” и “гениально”. Бумага, которой на роду написано терпеть, сносила разгром красных чернил. И все же после долгих препирательств профессоры бывали вынуждены уступить - когда читала сама Рената, казалось, это другой текст. Неудивительно, что и фамилия ее зазвучала повсюду после “Увлечений” Киры Муратовой, где она снялась, по собственному определению, как “чтица своих монологов”.

Из монологов медсестры:

“Еще когда я училась, здесь, в горах, нашли одного повесившегося мальчика... восемнадцатилет. Говорили, что он умер из-за несчастной любви. А на солнце он не испортился, а, наоборот, сохранился, замумифицировался, долго вися. Ну, потому что пока еще нежирный был. Мальчика для следствия не вынули из петли, а сняли прямо с суком. И теперь он у нас - на кафедре патологоанатомии, в шкафу. Так странно видеть такой насмешливый финал любви...”

Во ВГИКе Ренату славивали, почему герои у нее все время умирают. А она, сколько себя помнит, сочиняла такие истории. Начинаясь все тоже с устного творчества. С детства обожала морочить людям голову. Ее истории уже тогда пользовались популярностью среди сверстников. И уже тогда это были страшные истории.

“Мое детство само по себе - кошмарная история. Ничего ужаснее со мной в жизни

не было. Я помню пронзительное одиночество. В классе я была самая высокая, мальчики все были такие мелкие - с ними не могло быть никаких отношений. Я читала какие-то книги, были у меня попугайчики, были какие-то подружки, кривые чуть-чуть... Я гуляла во дворе. По соседству была воен-

ная часть - стройбат. И все время ходили эти солдаты, просили посторожить свои вещи. А иногда кто-нибудь из них убежал и вешался у нас на последнем этаже...

От того времени у меня осталось ощущение какой-то тяжести. Причем закончился этот период где-то только курсе на втором. Я вдруг как-то “пришла в себя”. И словно что-то меня отпустило. Даже кошмары сниться перестали. Сейчас мне кажется, та Рената, которая была тогда, закончалась”.

Облик новой Ренаты (см. фото) прекрасно дополняет “устный портрет”. Кто-то находит ее слишком манерной. Но и наряды, и медлительная пластика, и ее манера говорить - немного вычурная, будто с акцентом - все это вместе складывается в один законченный образ и в нем вполне естественно. Так же естественно и то, что сама Рената какую-то сознательную работу над собой отрицает.

“Сознательно я себя только сдерживаю! Потому что если бы была моя воля и жить бы мне довелось в стране более раскомплексованной, я бы ходила в нарядах покруче, чем у Жана Поля Готье. Мне всегда нравилось смешивать несовместимое. Но здесь же, если вырядишься, ни одна машина не остановится!”

Иногда Рената, видимо, все-таки не выдерживает. Недавно, например, снялась вместе с Андреем Бареньевым для “Плейбоя”. Это скоро можно будет увидеть. В остальном же, там, где сковывают обстоятельства, сочиняемые ею истории вполне компенсируют недостаток свободы.

Рената Литвинова: «Короче, все умирают»

Впервые о Ренате ЛИТВИНОВОЙ заговорили, когда на экран вышел фильм Рубинчика “Нелюбовь”. Потом были “Ленинград, ноябрь” и авангардные “Трактористы-2”. Но по-настоящему прославилась Рената, когда снялась в “Увлечениях” у Киры Муратовой. Такой она и вошла в кино: причудливо одетая, странно говорящая - и все какие-то жуткие вещи...

“Офелия, безвинно утонувшая”, отрывок:

“...Офа. - Я бы не назвала себя доброй... Я бы назвала себя человеческой. (Тут Офа, оглянувшись, нагибается и поправляет сползший чулок с ноги.)

Таня. - Отчего вы носите чулки? Это же неудобно.

Офа. - Удобно, но я могу снять, если тебе не нравится. Зайдем в подъезд, а то тут вдруг кто-то пойдет. Я сниму, а ты поддержишь сумку.

Офа оглядывается по сторонам. Девушка покорно качает головой.

Офа. - Нет, этот подъезд не годится... (Они проходят мимо нескольких подъездов и подворотен.) Нет, это не то... Нет, вот там дальше будет...”

Вдруг навстречу им попадает незнакомый мужчина, он игриво цокает языком и не дает им пройти, но наконец пропускает и идет дальше.

Таня. - Кретин, старый урод... Ненавижу мужчин. Эти мужчины!

Офа. - Вот подъезд, сюда!

Она возвращается в какую-то глухую подворотню, верно, вообще нежилого дома. Они остановились в подъезде.

Офа. - Да, ненавижу мужчин. Ненавижу женщин.

Девушка взяла из рук Офы ее сумочку, отвернулась спиной так, чтобы не стеснять ре-

гистраторшу и, стоя спиной, сложив на животе руки с сумочкой и подталкивая ее коленями каждый раз, спросила лирически, глядя из подъезда на улицу:

- А кого же вы тогда любите, Офа?

Офа. - Я? (Снимая чулок с ноги.) Я люблю детей.

Она занесла над ее головой ленту чулка, перекинула на шею и резко затянула, поднимая вверх и перекручивая тело девушки намного меньше себя. Когда та уже совсем свалилась на пол, вниз лицом, Офа оседлала ее, поставив коленку той на спину, та продолжала не сильно дергаться у нее в руках через концы чулок, которые она продолжала натягивать...”

Искусство вообще требует жертв - а искусство страшных историй, наверное, вдвойне. Описывая ужасы, кажется, невольно попадаешь во власть этой мрачной атмосферы. И нужно иметь мужество, чтобы прикасаться к их миру. У Ренаты с ним свои отношения.

“Когда я пишу, я чувствую, безопасно это для меня или нет. Бывает, даже бросаю незаконченную вещь, если ощущаю вдруг какой-то дискомфорт, и уничтожаю то, что написано. Некоторые говорят: “Вот ты так пишешь, у тебя так и будет”. А у меня наоборот. Что бы со мной ни происходило, самое ужасное, я считаю, - я в выигрыше, потому что я могу сесть и описать это”.

Пока проблемы у нее возникают только с поклонниками. Знакомые, а то и вовсе случайные люди - попутчики, таксисты - рассказывают ей свои истории. Подобное притягивает подобное. Некоторые из них потом становятся героями ее сюжетов. Для других объектом становится она сама. И это уже хуже.

Психи приходят, что больны ею, что она их двойник. Приходят домой. Подбрасывают в ящик ножи. Однажды подарили нож для колки льда - помните “Основной инстинкт”? “Валляется где-то, - пожимает плечами Рената. - А что с ним делать? В хозяйстве его не используешь, даже хлеба не порежешь...”

Но тяжелое детство не сломило Ренату - не остановят и маньяки. Сейчас она снова работает с Муратовой - над “Грустными историями”. “Офелия, безвинно утонувшая” - как раз одна из новелл, в которой она сама и снимается. В Питере заканчивают съемки другого фильма по ее сценарию - и тоже с невеселым названием: “Жалостливый взгляд Али К.”. И даже Юрий Грымов, решивший попробовать силы в большом кино, собирается поставить одну из криминальных историй Ренаты. Но возможностей сценаристки, а теперь и актрисы, для нее, видимо, мало. Рената хотела бы снимать сама. Конечно, триллеры. Так пожелаем ей ужасных фильмов...

Олег ГОРЯЧЕВ